

The background of the cover is a detailed illustration of a winter scene in an oil field. In the foreground, a woman wearing a brown headscarf and a long dark coat walks hand-in-hand with a small child in a dark winter suit. They are walking on a snowy path with tracks. In the background, there are snow-covered mountains, several oil pumpjacks, and a small village with lit windows under a twilight sky.

Александр Осипов

Эхо чужой вины

ВЕРА. ПРАВО НА ЖИЗНЬ

александр Осипов

Вера. Право на жизнь

<https://litres.ru/74690857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Советская Киргизия, рубеж 1960–70-х годов. В рабочем поселке нефтяников Чингорташ всё на виду. Юношеская любовь Веры и Николая обещала стать крепкой семьей, но новость о беременности рушит всё. Столкнувшись с глухой ненавистью родителей жениха, Николай сбегает, а Веру клеймят позором на весь поселок. Оставшись одна против людской молвы, Вера делает выбор: во что бы то ни стало сохранить жизнь первенцу. В новогоднюю ночь, под бой курантов и шум чужой свадьбы за окнами больницы, на свет появляется ее сын. Впереди — годы борьбы за достоинство детей: спасительный, но непростой брак с красавцем Валерием, ночные чертежи и диплом инженера, а затем — жестокое испытание домашней тиранией на чужбине, поставившее на кон жизнь сына-подростка. «Вера. Право на жизнь» — основанная на реальных событиях драма о несокрушимой силе материнского сердца, способного выстоять там, где отступают даже мужчины. Первая книга саги «Эхо чужой вины»

александр Осипов

Вера. Право на жизнь

Вера. Право на жизнь

Семейная сага «Эхо чужой вины» • Книга первая

Александр Осипов

Аннотация

Серия: «Эхо чужой вины» (Книга первая)

Название: «Вера. Право на жизнь»

Жанр: Семейная сага, биографическая и психологическая проза, драма

Возрастное ограничение: 16+

Советская Киргизия, поселок нефтяников Чингорташ на рубеже 1960–70-х годов. Здесь всё на виду: рабочие смены у буровых вышек, строгие взгляды соседей и неписанные законы рабочей чести. Юношеская любовь Веры и Николая обещала стать началом крепкой семьи, но известие о беременности девушки рушит всё. Столкнувшись с глухой ненавистью и клеветой родителей жениха, Николай малодушно бежит в Душанбе, а Веру клеймят позорным словом «нагуляла».

Оставшись одна против целого поселка, Вера совершает главный выбор своей жизни — во что бы то ни стало защитить будущего ребенка. В новогоднюю ночь, за пять минут

до боя курантов, под шум чужой свадьбы на свет появляется ее сын.

Впереди Веру ждут годы борьбы за достоинство своих детей: нелегкий компромисс в замужестве с красавцем Валерием, ночные конспекты и заочная учеба на инженера, а затем — тяжелое испытание домашней тиранией в Калужской области, поставившее на кон жизнь сына-подростка.

«Вера. Право на жизнь» — первая часть драматической саги «Эхо чужой вины», основанной на реальных событиях. Это пронзительная хроника о силе материнского сердца, способного выстоять там, где отступают даже мужчины.

Теги для публикации: семейная сага, основано на реальных событиях, советская эпоха, сильная женщина, материнская любовь, преодоление трудностей, Киргизская ССР, психологическая драма, судьба человека.

Авторское предисловие

У каждого человека есть место, откуда берет начало его память, и люди, чьи решения определили его путь задолго до того, как он сделал свой первый вдох.

Эта книга не выдумана в тишине кабинета. За каждой строкой стоят живые люди, пыльные улицы небольшого нефтяного поселка среди предгорий Киргизии, морозный воздух новогодней ночи 1970 года и долгие годы молчания, сквозь которое прорастала правда. Это история о моей матери — женщине, которой выпало пройти через людское осуждение, подлость, предательство и жестокость, но которая ни на миг

не усомнилась в главном праве своего первенца: праве на жизнь, любовь и достоинство.

«Вера. Право на жизнь» открывает семейную дилогию «Эхо чужой вины». Первая часть посвящена материнскому подвигу, стойкости духа и той цене, которую приходится платить за чужие слабости и невыученные уроки. Вторая книга — «Чужая кровь» — расскажет о следующем поколении, о взрослении детей, грузе семейных тайн и неизбежном моменте, когда прошлое требует прямого взгляда в глаза.

Я посвящаю эту повесть всем, кто наперекор пересудам и обстоятельствам находит в себе силы беречь тех, кого любит.

— *Александр Осипов*

Глава 1. Пыль и тополя Чингорташа

Лето в предгорьях Киргизии пахло раскаленным гравием, сухой горькой полынью и сырой, тяжелой нефтью, чей сладковато-смолистый дух сносило ветром прямо с буровых вышек. В полдень Чингорташ замирал. Жара плавila воздух над узкими улочками, прижимала к глиняным дувалам ленивых собак, и только пирамидальные тополя — огромные, строгие, упирающиеся кронами в белесое от зноя небо — едва заметно шелестели жесткой листвой вдоль арыков.

Поселок жил строго по заводскому гудку. Утром и вечером по мостовой глухо стучали тяжелые ботинки рабочих смен: геологи, буровики, операторы, приехавшие сюда со всего Союза поднимать черное золото. Здесь всё знали

про каждого. Занавески на окнах одноэтажных домов колышались от любого шороха, а чужая радость или беда разносились от магазина до почты быстрее, чем успевала осесть поднятая полуторкой рыжая пыль.

Дом Михаила и Екатерины стоял в тихом переулке, утопая в тени раскидистого урюка. Семья держалась на труде, крепком крестьянском достоинстве и негласном законе: дом — это крепость, где чужой суд бессилен. Отец, Михаил, молчаливый и жилистый, пах табаком и машинным маслом; мать, Екатерина, держала весь домашний уклад в строгих, но справедливых рукавицах. В доме звенели девичьи голоса — судьба одарила родителей тремя дочерьми, чьи имена звучали как благословение: Вера, Надежда и Любовь. А за ними, самым младшим и долгожданным, подрастал всеобщий любимец — шустрый, с вечно разбитыми коленками Сережка.

Вера среди сестер была старшей. В ее осанке, в спокойном прямом взгляде темных глаз сквозила редкая внутренняя стать. Она не любила пустых пересудов, рано научилась стирать добела на руках тяжелое белье, варить густой обед на всю ораву и нянчить младших. Но стоило ей перешагнуть школьный порог, как взрослая строгость отступала: Вера училась легко, с жадным любопытством вглядываясь в большой мир, лежащий далеко за синеющими на горизонте горными хребтами.

И всюду, сколько она себя помнила, рядом был Коля.

Они сидели за одной партой еще с начальных классов,

когда чернила мазали пальцы, а деревянные пеналы падали на крашеный пол со звонким грохотом. Николай рос мальчишкой крепким, открытым, с упрямым вихром светлых волос. В Чингорташе детская дружба проверялась просто: разделить пополам черствую лепешку, вместе лазить по заброшенным глиняным карьерам, ловить в мутном арыке вертиких гольцов и прятаться от полуденного пекла под навесом старой поселковой библиотеки.

— Верочка, дай физику списать, — шептал он на задней парте, наклоняясь так близко, что его дыхание щекотало ей висок. — Я вчера отцу в гараже помогал рессоры перебирать, глаза сами слипаются.

— Садись и сам решай, механик, — строго отзывалась Вера, но тетрадь с аккуратным округлым почерком всегда незаметно пододвигала на его половину стола.

С годами что-то неуловимо переменялось. Их беззаботная возня, где Николай таскал ее портфель, дергал за тяжелую косу и отбивал от поселковых задир, стала терять детскую угловатость. Взгляды задерживались дольше положенного, случайное прикосновение рук у классной доски заставляло обоих вспыхивать румянцем, а вечера на поселковых танцплощадках у Дома культуры превращались в немое ожидание.

Николай провожал ее до самого дома. Они шли медленно, минуя спящие глинобитные заборы, вдыхая прохладу, которая наконец спускалась с далеких снежных вершин Тянь-

Шаня. Под ногами тихо похрустывал гравий, вдалеке мерно и глухо, как сердце поселка, ухали нефтяные качалки на промысле.

— Знаешь, Вера, — сказал он однажды, остановившись под старым тополем у ее калитки и глядя на нее с незнакомой прежде, тревожной нежностью. — Мы ведь с тобой всегда вместе будем. Куда ты — туда и я. Вот школу закончим, я на стройку пойду, дом поднимем. Руки у меня есть. Ты только верь мне.

Вера посмотрела на его широкие ладони, на упрямое, такое родное лицо, и в груди сладко защемило. Мир казался понятным, надежным и чистым. Ей казалось, что эта школьная любовь, зародившаяся среди пыли и тополей родного Чингорташа, защитит их от любой беды.

Она еще не знала, что совсем рядом, через несколько улиц, в аккуратном доме родителей Николая уже зреет глухое, высокомерное недовольство, и первые тени чужой вины уже бесшумно ложатся на их порог.

Глава 2. На пороге взрослой жизни

Школьные годы пролетели быстро. Выпускной вечер в местном клубе отгуляли шумно: девчонки в белых ситцевых платьях, парни в непривычно строгих костюмах, вальс под патефон и обещания никогда не забывать друг друга. Под утро всем классом пошли встречать рассвет на холмы за поселком. Солнце медленно вставало из-за гор, заливая

Чингорташ ровным золотым светом, и казалось, что впереди только длинная, счастливая и понятная дорога.

Пора было решать, куда идти дальше. Николай долго не раздумывал — с детства тянулся к технике, любил работать руками, вот и подался в строительное направление. В то время по всему югу стройки гремели одна за другой: возводили новые промышленные объекты, жилые дома, осваивали месторождения. Для молодого парня это был верный кусок хлеба и уважение.

А Вера с юности мечтала помогать людям. В поселковой больнице она часто видела медсестер и врачей — строгих, в белых накрахмаленных халатах, от которых пахло чистотой и уверенностью. Поэтому после школы она твердо решила: пойду в медицинское училище. Учиться было непросто — латынь, анатомия, бесконечные лекции, первые дежурства, но Вере это нравилось. Она искренне верила, что нашла свое призвание.

Они с Николаем продолжали встречаться уже взрослыми людьми. Вечерами он встречал ее после занятий или смены. Шли рядом по знакомым пыльным улочкам, держались за руки, строили простые житейские планы.

— Вот закончу учебу, получу распределение, — говорил Николай, глядя на Веру с нежностью. — Снимем сначала угол, потом свой дом поднимем. Руки есть, заработаю. А ты в нашей поселковой больнице работать будешь. Все у нас будет как у людей.

Вера слушала его и верила каждому слову. Они знали друг друга столько лет, что в их чувствах не было никакой фальши.

Но если в семье Веры к Николаю относились тепло, как к родному, то в доме его родителей все было совсем иначе. Они держались в поселке особняком, считали себя людьми зажиточными, с положением, и для своего сына прочили совершенно другую партию. На Веру они всегда смотрели исподлобья, с холодной спесью. Но Николай по молодости не придавал этому значения — он был уверен, что его выбор примут.

А потом пришла осень. Воздух в предгорьях стал прозрачным и холодным, с буровых доносился гулкий железный стук, тополя сбросили листву.

В один из ноябрьских дней Вера поняла, что ждет ребенка. Сердце колотилось от смеси страха и трепета, но скрывать она не стала. Вечером, кутаясь в пальто от промозглого ветра у знакомой калитки, она посмотрела Николаю прямо в глаза и тихо сказала:

— Коля, у нас будет ребенок.

И Николай... просиял. Его лицо осветила такая широкая, мальчишеская и чистая радость, какой Вера давно не видела. Он схватил ее на руки, закружил прямо на замерзшей поселковой дорожке, уткнулся лицом в ее шерстяной платок:

— Верочка! Родная моя... Слышишь? Да я самый счастливый на свете! Свадьбу сыграем, всё как положено сделаем.

Я сегодня же пойду к своим, всё отцу с матерью расскажу. Они только обрадуются, вот увидишь! Семья теперь у нас, настоящая семья!

Он целовал ее холодные щеки, строил планы на ходу и даже не подозревал, в какую глухую стену ненависти разобьются его светлые надежды буквально через пару часов на пороге собственного дома.

Глава 3. Приговор шепотом

Домой Николай летел как на крыльях, перепрыгивая через выбоины в темных переулках. В окнах горел свет. За круглым столом сидели родители: мать чистила картошку, отец читал поселковую газету.

Николай, даже не сняв толком куртку, выпалил с порога: — Батя, мама... У меня новость! Мы с Верой женимся. У нас ребенок будет! Внук у вас будет!

В комнате повисла тяжелая, густая тишина. Нож в руках матери замер, а отец медленно опустил газету на клеенку. Но вместо ожидавшихся объятий и поздравлений Николай увидел на лицах родителей брезгливую, холодную ярость.

— Женишься? — первой зашипела мать, поднимаясь со стула. Голос ее дрожал от злобы. — На этой нищенке? Да ты в своем уме, Колька?! Мы для тебя жизнь строили, на ноги поднимали, чтобы ты первую попавшуюся подобрал?!

— Мама, да вы чего? Мы с Верой со школы вместе, вы же знаете! Мы любим друг друга! — растерялся Николай,

чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Любите? — глухо бросил отец, стукнув кулаком по столу. — А ты уверен, щенок, что этот выродок от тебя?! Мало ли с кем она там в своем училище хвостом крутит! Нагуляла где-то на стороне, а на тебя, дурака, повесить решила! Семью нашу опозорить захотела?!

— Замолчите! — закричал Николай, сжимая кулаки. — Не смейте так про Веру! Она чистая, она честная! Это мой ребенок!

Но переубедить родителей было невозможно. Гордыня и задетое самолюбие затмили им разум. Мать кричала, хватаясь за сердце, грозилась проклясть сына, если он приведет «гулящую» в дом. Отец прямо заявил: «Пойдешь к ней — порога моего больше не переступишь, отрекись!».

В ту же неделю ядовитые слухи расползлись по Чингорташу. Родители Николая не просто не признали невестку — они открыли настоящую травлю. В поселковом магазине, на почте, в очереди у водоклонки мать Николая с притворным вздохом шептала соседкам: «Да нагуляла девка, на стороне прижила, а на нашего Колю свалить хочет, захомутать парня вздумала! Не бывает этому!».

Для Веры это стало страшным ударом. Маленький поселок жесток к таким вещам. Вчерашние знакомые теперь отводили глаза, а за спиной слышался липкий, унижительный шепот: «Гляди-ка, честная какая была, а сама нагуляла...».

Николай метался как зверь в клетке. С одной стороны —

безумное давление семьи, бесконечные скандалы дома, угрозы и проклятия. С другой — Вера, которую он любил, но защитить от этого ядовитого шквала оказался просто не в силах. В нем не хватило мужской зрелости, чтобы стукнуть по столу, забрать любимую за руку и уйти в никуда.

Не выдержав ежедневной травли, криков матери и косых взглядов поселка, Николай сломался. В нем разыгралось малодушье пополам с отчаянием: вместо того чтобы бороться, он решил бежать. Собрал чемодан и первым же рейсовым автобусом уехал прочь из Киргизии — в далекий, чужой Душанбе, на большие стройки. Сбежал от родителей, от стыда, оставив беременную Веру одну посреди полыхающего пожара сплетен.

Глава 4. Выбор матери

Когда в поселке стало известно, что Николай бросил все и уехал в Душанбе, шепотки за спиной Веры превратились в открытый гул. Для маленького Чингорташа это было неслыханным делом: брошенная девчонка с животом, от которой отказалась вся родня жениха.

Учиться в медицинском училище стало невыносимо. Каждый шаг по гулким коридорам отзывался тяжестью. Преподаватели, еще недавно хвалившие ее за старание и аккуратность, теперь прятали глаза, а сокурсницы шушукались по углам. В то время строгость нравов граничила с жестокостью: комсомольские собрания, разборки морального облика,

негласное клеймо позора.

Вера держалась изо всех сил. Она не плакала на людях, ходила с высоко поднятой головой, застегнутая на все пуговицы простого пальтишка, но внутри все сжималось в ледяной комок. Когда живот стал заметен, а токсикоз и бессонные ночи дали о себе знать, она поняла: училище придется оставить. Выдержать практику, дежурства и бесконечные косые взгляды с каждым днем становилось все труднее.

Документы она забрала сама. Тихо, спокойно написала заявление, собрала учебники в потертую дерматиновую сумку и в последний раз закрыла за собой массивные двери училища. Мечта стать медиком рухнула, разбившись о чужую злобу и трусость.

Дома, едва переступив порог, Вера опустилась на сундук в сенях и впервые за все эти недели разрыдалась — горько, беззвучно, вздрагивая всем телом.

Екатерина, мать, вышла из кухни, вытирая мокрые руки о фартук. Она не стала охать или читать нотации. Подошла, молча положила тяжелую, натруженную ладонь дочери на голову, прижала к себе. Следом из комнаты вышел отец, Михаил. Он долго молча курил у открытой форточки, глядя на темнеющую улицу, где шумели голые тополя, потом затушил окурки в жестяной банке и подошел к столу.

— Хватит сырость разводить, — негромко, но твердо сказал отец. Голос его звучал глухо, с затаенной болью. — Семья у нас крепкая. Сестры рядом, Сережка вон подрастает. Чу-

жой рот не закроешь, пускай лают, пока челюсти не сведет. Поднимем дитя. Лишняя тарелка супа в доме всегда найдется. На улицу тебя никто не выгонит, ты наша кровь.

— Слышишь, что отец говорит? — Екатерина вытерла подолом слезы с щек Веры. — Не ты первая, не ты последняя. Главное — грех на душу не бери. Дите не виновато, что у кого-то совести не оказалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.